

А. Н. Власов (Санкт-Петербург)
**Краеведы первой половины XX в. (1920–1950 гг.)
и советский авангард (Проблема смены научных
парадигм в российской культуре)**

A. N. Vlasov (Saint Petersburg)
**Local historians of the first half of the 20th century
(1920–1950s) and the Soviet avant-garde (The problem
of changing scientific paradigms in Russian culture)**

Аннотация

В статье предпринята попытка определить роль краеведов и их сочинений в процессе исторической саморефлексии местной культурной традиции. Выяснение некоторых концептуальных подходов краеведов к анализу фольклорно-этнографического материала является целью настоящей статьи. Автор считает, что корни становления краеведения следует искать в позднесредневековых региональных летописных сводах, агиографических повестях и церковных летописцах Нового времени. Следующий этап в процессе исторического самосознания представлен местными историографическими трудами конца XVIII в. Непосредственное влияние на становление региональных центров изучения края оказали столичные общества РГО, ОЛЕАиЭ при Московском университете и др., а также большую роль в этом процессе сыграли губернские статистические комитеты и редакции Губернских ведомостей. Место краеведения в XIX в. было определено его отношением к академической науке как вспомогательной сугубо источниковедческой дисциплины. Существенные изменения краеведение как общественное движение в русской культуре претерпело в конце XIX – начале XX в. Возрос интерес к российской глубинке и соответственно, в большей степени эмоционально, возросли амбиции местных знатоков истории «малой родины». По сути, происходил поиск «места памяти». Перемены в социокультурной ситуации, эпоха «культурной революции» и деятельность Пролеткульта существенно повлияли на возникновение новых направлений и стилей в искусстве и общественной и культурной жизни «новой» России, эти перемены коснулись в целом гуманитарной науки, в том числе наиболее открытой для инноваций в то время научной дисциплины – фольклористики. Труды сольвычегодских и устюжских краеведов 1920–1930-х гг. содержат обширный материал по культуре и истории данного региона в определенный период и представляют большой интерес для современных исследователей.

Ключевые слова: краеведение, «память места», «место памяти», память традиции, саморефлексия, сингулярность, фольклористика, этнография, русский модернизм, авангард

Abstract

The article attempts to define the role of local historians and their works in the process of historical self-reflection of the local cultural tradition. The purpose of this article is to clarify some of the conceptual approaches of local historians to the analysis of folklore and ethnographic material. The author believes that the roots of the formation of local lore should be sought in the late medieval regional annals, hagiographic stories and church chroniclers of the New Age. The next stage in the process of local historical identity is represented by local historiographic works of the late 18th century. The metropolitan societies of the Russian Geographical Society, the OLEAE of the Moscow University, and others had a direct impact on the formation of regional centers for the study of the region, and the Provincial Statistical Committees and the editorial offices of "Gubernskie vedomosti" played an important role in this process. Place of local lore in the period of the 19th century was determined by his attitude to academic science as an auxiliary purely source study discipline. Local history as a social movement in Russian culture underwent significant changes in the late 19th – early 20th centuries. Interest in the Russian provinces has grown and, accordingly, more emotionally, the ambitions of local experts in the history of the "small homeland". In fact, there was a search for a "place of memory". "Changes" in the socio-cultural situation, the era of the "cultural revolution" and the activities of Proletkult, significantly influenced the emergence of new trends and styles in art and social and cultural life of "new" Russia, these changes in the whole of the humanities, including the most open to innovation at that time scientific discipline – folklore. The works of the Solvychevodsk and Ustyug local historians of the 1920–1930s contain extensive material on the culture and history of this region in a certain period and are of great interest to modern researchers.

Keywords: local history, "memory of a place", "place of memory", memory of tradition, self-reflection, singularity, folklore, ethnography, Russian modernism, avant-garde

Краеведческое движение как одно из направлений в изучении локального фольклора (шире – традиционной культуры) пока остается вне пристального внимания исследователей, хотя, по нашему мнению, сочинения краеведов следует характеризовать как факты саморефлексии традиции, и они требуют серьезной историко-филологической оценки. Выяснение некоторых концептуальных подходов краеведов к анализу фольклорно-этнографического материала является целью настоящей статьи. Ограничимся только севернорусским регионом.

Несколько слов об истории краеведческого движения. Корни его становления следует искать в позднесредневековых региональных летописных сводах, агиографических повестях и церковных летописцах Нового времени. Например,

Устюжская летопись¹; Сольвычегодский летописец конца XVII – начала XVIII в.²; Жития Прокопия и Иоанна Устюжских³. Это начальный этап формирования регионального сознания, процесс зарождения памяти традиции.

В нашем случае летописный и агиографический устюжские «своды» в свою очередь отражали общие объединительные тенденции, характерные для эпохи Московского царства. Они были направлены на укрепление механизмов культурной памяти в новых условиях развития Устюга в период бурного освоения Сибирских земель и потока миграционного населения из глубинных районов России.

Уточним, что нет принципиального различия между мнемоническими процессами в целом и дискурсивными контекстами (*discursive contexts*), т. е. локальными вариантами культуры, в которых они имеют место. В этом смысле более интересно исследовать локальные культуры памяти и их практики запоминания, чем концентрироваться на общих, межкультурных закономерностях, пренебрегая этническими и другими локальными факторами⁴.

То, что устюжские тексты были направлены вовнутрь провинциального социума и обращены к местному читателю, способствовало закреплению традиционных ценностных ориентиров христианской культуры и одновременно провоцировало развитие региональных тенденций в сознании насельников края, отличного от соседних северных центров, но связанного духовно и исторически с русской землей как единый социальный организм.

Показательно, что эта парадигма провинциального текста культуры подтверждается и в местном изобразительном ряде. Рождение провинциального устюжского текста происходит в условиях опасности потерять свою культурную самобытность. Поэтому этот текст обращен прежде всего к тем, кто потенциально должен был принадлежать к представителям местной культурной традиции. Манифестация этого провинциального текста в форме традиционных словесных жанров и иконописных образов оказывается кратковременным актом, а не длительным процессом и охватывает период жизни одного-двух поколений жителей (священника Устюжского Успенского собора, а затем игумена Сольвычегодского Борисоглебского монастыря Дионисия и его сына «простолюдина» Павла). Благодаря их текстам и иконографическим образам произошло «изобретение» культурной традиции Великого Устюга. Поздний редактор Жития Прокопия, используя текст раннего жития, существенно изменил его, но сохранил то, что можно назвать связью с традицией, или культурной памятью. Практики культурной памяти окружены, утверждает Й. Брокмейер, огромным

¹ Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI – XVIII вв. Л., 1985.

² Власов А. Н. Летописец о граде Сольвычегодске // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (к 500-летию г. Сольвычегодска). Сыктывкар, 1992. С. 19–32.

³ Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010.

⁴ Brockmeier J. Remembering and forgetting: Narrative as cultural memory // Culture and Psychology. 2002. March. Vol. 8. P. 17.

разнообразием символических и материальных форм запоминания, припоминания и исторической саморефлексии⁵.

Поэтому устюжский составитель выводит текст о местном святом вовне локальной городской традиции и «память традиции» Великого Устюга делает достоянием общей памяти в ряду других несомненных ценностей национальной культуры.

Необходимо уточнить, что местные святыни и святые по своему происхождению не относятся к собственно устюжским, а собраны с разных российских территорий. Другие местные святыни являются сами на месте их почитания и прямо не связаны с Великим Устюгом. Все эти факты можно интерпретировать как еще живую память насельников устюжских пределов о прежнем их месте пребывания или рождения, не связывая с Великим Устюгом.

Таким образом, на основании известных нам письменных свидетельств можно заключить, что региональное сознание устюжан в конце XVII в. находится еще в стадии становления. К сожалению, до нас не дошло каких-либо данных об устной традиции местных жителей, но, надо полагать, она соответствовала памяти, отражающей сумму традиционных знаний, необходимых для жизнедеятельности социума на новом месте.

Словом, для насельников края это соответствует известному тезису фон Ранке – «Как все происходило на самом деле» (*Wie es eigentlich gewesen*)⁶.

Следующий этап в процессе местного исторического самосознания представлен местными историографическими трудами конца XVIII в. А. И. Соскина «История города Соли Вычегодской»⁷; В. В. Крестинина (1729–1795) «Исторические начатки о двинском народе» (1784), «Начертание истории города Холмогор» (1790), «Краткая история о городе Архангельском» (1792). Эти исторические сочинения местных авторов можно считать началом исторического краеведения на Севере. Они определяют новый взгляд и новое понимание отечественной истории, знаменующее собой переход к новому авторскому сознанию из глубин российской провинции.

Следующим периодом в развитии краеведческого движения, условно «официальным», является деятельность Императорского Русского географического общества, точнее, Отделения этнографии, организованного в 1845 г., и деятельность других столичных сообществ: Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1867), Общества любителей российской словесности при Московском университете (1860-е гг.), Общества истории и древностей российских при Московском университете (1804), Московского археологического общества (1864), которые широко привлекали к своей деятельности и публиковали в своих периодических изданиях материалы своих сотрудников в региональных отделах РГО и внештатных

⁵ Ibid. P. 19.

⁶ *Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig; Berlin, 1824.*

⁷ *Соскин А. И. История города Соли Вычегодской / Подгот. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1997.*

корреспондентов. Распространению интереса к народной культуре способствовали статьи фольклорно-этнографического содержания, регулярно публикуемые на страницах столичных научных и художественно-литературных журналов: «Библиотека для чтения», «Журнал Министерства народного просвещения» и т. д.

Как справедливо отмечает составитель библиографического указателя «Русский фольклор» за 1856–1880 гг. А. И. Васкул, «столичные общества послужили толчком для активизации работы по собиранию фольклорно-этнографических материалов “на местах”. Большую роль в этом процессе сыграли губернские статистические комитеты и редакции “Губернских ведомостей” (с 1838 г.), которые публиковали программы по собиранию материалов для местных корреспондентов. Собираателями и публикаторами местных достопримечательностей выступали учителя, чиновники статкомитетов, учреждений, политические ссыльные и другие представители местной интеллигенции (врачи)»⁸.

Среди них назовем имя Владимира Алексеевича Попова (1828–1867). Как отмечает А. И. Васкул в библиографическом словаре «Русские фольклористы», в 1848 г. он «окончил Вологодскую губернскую гимназию. Преподавал в Устюжском уездном училище. В 1858–1863 являлся помощником редактора неофициальной части “Вологодских губернских ведомостей”. С 1863 состоял на должности постоянного заседателя в Сольвычегодске. Член Вологодского губернского статкомитета и Русского географического общества. Автор работ по статистике и промышленности Вологодской губ<ернии>»⁹, ряда путевых очерков, статей исторического содержания, в том числе фольклорно-этнографических материалов¹⁰. Особое место среди его трудов занимает очерк «Сольвычегодская старина», который был написан между 1865 и 1867 гг.¹¹ Любопытно, что автор с большим уважением упоминает местных священнослужителей, оказавших ему помощь при написании очерка: «...мы обязаны усердию покойного ныне игумена Введенского монастыря Виссариона, проживающего в Коряжемском монастыре иеромонаха Дионисия и священника Благовещенского собора Константина Арсентьевича Жаворонкова, а также протоиерея того же собора М. И. Шалаурова и священников Борисоглебской церкви Н. Я. Трубачева, Владимирской К. Н. Аксенова, Спасской Н. Копосова и Городищенской В. И. Вотчинского...»¹²

В частности, эту «избранность» культурной памяти в местной традиции можно продемонстрировать на примере церковноисторических и статистических

⁸ *Васкул А. И.* Литература по русскому фольклору. 1856–1880 гг. // *Русский фольклор. Библиографический указатель 1856–1880* / Сост. А. И. Васкул. СПб., 2017. С. 16–17.

⁹ *Васкул А. И.* Попов Владимир Алексеевич // *Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. Т. 4. П – Софронов А. В.* СПб., 2019. С. 242–244.

¹⁰ *Кознева Л. М.* Вологодские учителя – собиратели народного слова (XIX в.) // *Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию – 2013.* СПб., 2014. С. 106–117.

¹¹ *Власов А. Н., Савельев Ю. В.* «Сольвычегодская старина» В. Попова в истории изучения культуры города // *Сольвычегодская старина. Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска.* Сыктывкар, 1994. С. 58–199.

¹² Там же. С. 59.

описаний Сольвычегодского уезда, сделанных священнослужителем М. И. Ша-лауровым, протоиереем Сольвычегодского Благовещенского собора в 1854 г. В ряду таких сочинений следует назвать также Церковную летопись Яренского Преображенского собора XIX в.

Таким образом, наряду со становлением фольклористики как академической науки параллельно происходило формирование и осознание как особого рода научной деятельности собственно краеведческих изысканий, которые по большей части имели источниковедческий характер.

Среди журнальных публикаций местных любителей старины следует особое внимание уделить трудам Николая Александровича Иваницкого (1847–1899). Несколько слов из его биографии. Любитель севернорусской старины родился в Вологде. В библиографическом словаре «Русские фольклористы» говорится: «Дворянин. В 1858 семья переехала в Петербург. В 1867 поступил в Военно-юридическое училище, откуда в связи со студенческими волнениями с первого курса был выслан в г. Тотьму Вологодской губ., <...> а в 1871 освобожден из-под надзора полиции». Судьба Иваницкого была связана в основном с государственной службой в «разных учреждениях Грязовца, Устюга, Усть-Сысольска», Кадников; он был помощником правителя канцелярии архангельского губернатора, секретарем Олонецкой губернской земской управы в должности чиновника особых поручений Переселенческого управления Министерства внутренних дел. По долгу службы Н. А. Иваницкий много путешествовал и подолгу жил в местах своего пребывания. «Отбывая ссылку в Вологде, Тотьме, Кадникове был знаком с политическими ссыльными П. Л. Лавровым, А. П. Чаплицкой, Н. А. Гернетом, Д. К. Гирсом и разделял идеи революционеров-демократов». Его общественно-политические взгляды нашли отражение в публикации текстов антибарских и антипоповских сказок, пословиц, поговорок¹³.

Не окончив Военно-юридическое училище, он постоянно занимался самообразованием; получил разносторонние знания, реализованные во многих областях. Как литератор и, в особенности, переводчик (дебютировал в 1871 г. в журнале «Дело», где опубликовал четыре стихотворения) получил известность в 1880-е гг.; публиковался во многих столичных периодических изданиях («Книжка недели», «Всемирная иллюстрация», «Русский паломник», «Наблюдатель» и др.).

Кроме литературной деятельности, Иваницкий был увлечен изучением природных особенностей края. Описанию флоры был посвящен «Список растений Вологодской губернии как дикорастущих, так и возделываемых на полях и разводимых в садах и огородах» (1883)¹⁴.

¹³ Васкул А. И., Биланчук Р. П. Иваницкий Николай Александрович // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / [под ред. Т. Г. Ивановой]. Т. 2: Д – Кошурников. СПб., 2017. С. 338–344.

¹⁴ Иваницкий Н. А. Список растений Вологодской губернии как дикорастущих, так и возделываемых на полях и разводимых в садах и огородах // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском ун-те. Т. 12. Вып. 5. Казань, 1883. С. 1–112.

Иваницкий, кроме прочих научных увлечений, занимался собиранием фольклорно-этнографического материала и его публикацией в «Вологодских губернских ведомостях», «Живой старине» и других изданиях; сотрудничал с академиками Я. К. Гротом, В. И. Ламанским, А. А. Шахматовым, П. В. Шейном. Материалы его архива в настоящее время хранятся в Архиве РГО (фонде П. В. Шейна), СПФ АРАН и др.¹⁵

Следует обратить особое внимание на труды, созданные на основе повседневных наблюдений над бытом, нравами и народной культурой русского населения Вологодской губернии. К ним относятся «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (1890)¹⁶. В нем отразились сведения о географическом положении, климате; предания о заселения края; описания жилища, одежды, пищи, основных занятий и промыслов, семейных нравов и обычаев; сведения об обрядах жизненного цикла, верованиях и суевериях местных жителей. Туда же вошли фольклорные тексты: заговоры, приметы, апокрифическое сказание о конце мира, о почитании пятниц, описания детских игр, сказки, легенды, перегудки, песни с нотами¹⁷.

Особое значение имеет публикация труда Иваницкого «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность» в 1898 г.¹⁸ В очерке приведены описания свадьбы, увеселений и игр, некоторые поверья и приметы, пословицы и поговорки¹⁹. Кроме того, им предложена форма повествования «от лица местного жителя», позволяющая объективировать и достоверно представлять приводимые этнографические сведения, наблюдения за семейным и жизненным укладом и особенностями нравственного облика населения, но которая все же носит характер литературного приема, своего рода «перформанс» задолго до его теоретического обоснования американской фольклористикой²⁰. В предисловии к очерку он пишет: «Я знал, что жизнь сольвычегодчан отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свел меня с крестьянином Сольвычегодского уезда, местожительство которого Метлинская волость, расположенная на низменности, где сливаются две большие реки – Двина и Вычегда, родина которого деревня Марково, стоящая всего в десяти верстах от Котласа – конечного пункта строящейся Пермь-Котласской железной дороги, я стал записывать от него сведения, касающиеся жизни, обстановки и деятельности местного населения»²¹.

¹⁵ Васкул А. И., Биланчук Р. П. Иваницкий Николай Александрович. С. 340.

¹⁶ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. Вып. II. М., 1890. С. 1–234.

¹⁷ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Под ред. Новикова. Вологда, 1960.

¹⁸ Иваницкий Н. А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3–75.

¹⁹ Там же. С. 57–63, 63–69, 69–72, 7.

²⁰ В самом общем виде мы ориентируемся на точку зрения Р. Шехнера, согласно которому перформансом можно назвать деятельность, которая характеризуется живым присутствием исполнителей представления. См. подробнее: *Schekner R. Performance Studies*. London; New York, 2013.

²¹ Иваницкий Н. А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. С. 3–4.

Что касается в целом методологии собирательской практики Иваницкого, то «она основывалась на принципе комплексного подхода к региональному “фонду” фольклорно-этнографических текстов». Прежде всего «его интересовало общее состояние фольклорной традиции Вологодского края, анализ которой был возможен только при условии максимально полного представления о бытовании и художественных особенностях всех жанров устного народного творчества. Иваницкий фиксировал эволюцию песенного репертуара вологодского крестьянина, его эстетических предпочтений. В частности, одним из первых он подметил появление в народной среде частушки и дал ее характеристику как особого песенного жанра»²².

В один ряд с публикациями Н. А. Иваницкого в «Живой старине» следует поставить написанный в этот период очерк Николая Егоровича (Георгиевича) Ордина (1849 – не ранее 1916) «Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда» (1896)²³. Текст публикации представляет собой стилизацию народной речи. Любопытно, что редактор «Живой старины» В. И. Ламанский отмечал «несомненное художественное дарование» автора²⁴. Встречаются примеры фонетического подражания простонародной речи, что для образованного публикатора выглядит несколько странно. В предисловии к «Очеркам» В. И. Ламанский объясняет это стремлением Н. Е. Ордина ввести «нас внутрь крестьянской семьи», познакомить «с внутренней жизнью, <...> с настоящей живой речью»²⁵. Установка Н. Е. Ордина «на художественность», творческий подход при подаче материала, как нам представляется, отвечали общей тенденции того времени – поиску представителями образованного общества новых эмоциональных переживаний и интереса к национальной культуре и народному искусству. Это совпадает с известным периодом русского модерна.

К этому же поколению любителей старины следует отнести краеведа, историка г. Лальска Ивана Степановича Пономарева (1849–1916), который был заметной фигурой в местном сообществе. Выходец из богатого купеческого рода, он сам был купцом, но, кроме того, историком (первым историографом города Лальска), этнографом, библиофилом, активным деятелем местного самоуправления, а впоследствии и городским старостой. Он издал «Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии»²⁶, в котором особое место занимают сведения о раннем периоде истории г. Лальска. Источниками опубликованного текста, как отмечает составитель, стали документы местных

²² Васкул А. И., Биланчук Р. П. Иваницкий Николай Александрович. С. 342–343.

²³ Ордин Н. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 51–121. Описание сольвычегодской свадьбы с фольклорными текстами было опубликовано по рукописи, поступившей в архив Русского географического общества от врача сольвычегодского земства Н. Ордина в 1883 г. (НА РГО, р. 7, № 52). В фондах РГО рукопись отсутствует.

²⁴ Там же. С. 52.

²⁵ Там же.

²⁶ Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1. С 1570 по 1800 год. Составил лальский городской староста Иван Пономарев. В. Устюг, 1897.

городского и церковных архивов, фрагменты документов Министерства юстиции, летописи Великого Устюга, известные на тот момент исторические сочинения об истории Русского Севера, исторические сочинения «общероссийского» значения, а также историко-этнографические статьи и очерки разных лет, помещенные в губернских и епархиальных ведомостях и в журнале Министерства внутренних дел.

Немногом ранее, в 1856 г., в петербургском «Вестнике Русского географического общества» был опубликован очерк П. С. Воронова «Вельск, уездный город Вологодской губернии»²⁷. Автор исследования – местный житель, краевед Петр Степанович Воронов (1812–1882), уроженец Кадниковского уезда, расположенного по соседству с Вельским. Сын дьякона или пономаря (точные данные неизвестны), он окончил Вологодскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию; с 1843 по 1878 г. был смотрителем Вельского духовного училища. Церковной карьере (к 1864 г. он дослужился до сана протоиерея) сопутствовала активная общественная деятельность: Петр Воронов – сотрудник Русского географического общества, член-корреспондент Русского археологического общества, с 1861 г. – действительный член Вологодского губернского статистического комитета²⁸.

К этому же поколению принадлежал каргопольский краевед Карп Андреевич Докучаев-Басков (1849–1916), деятельности которого посвящены специальные статьи²⁹.

Особо отметим научные контакты краеведа со столичными учеными: К. А. Докучаев-Басков состоял в переписке, возможно, встречался с Иваном Егоровичем Троицким (1834–1901), историком церкви, профессором Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского университета.

Таким образом, место краеведения в этот период было определено отношением к дисциплине как сугубо источниковедческой, вспомогательной.

Существенные изменения краеведение как общественное движение в русской культуре претерпело в конце XIX – начале XX в. Возрос интерес к российской глубинке и соответственно, в большей степени эмоционально, возросли амбиции местных знатоков истории «малой родины». По сути, происходил поиск «мест памяти» (*lieux de memoire*) – понятия, введенного французским ученым Пьером Нора в начале 80-х гг. XX в. Оно воплощает в себе единство

²⁷ *Воронов П. С.* Вельск, уездный город Вологодской губернии // Вестник географического общества. 1856.

²⁸ *Жадовская (Чернышева) С. А.* Вельский летописец П. С. Воронов: национальная идея и местная идентичность // Русская филология – 19: Сб. научн. работ молодых филологов. Тарту, 2008. С. 56–60; *Васкул А. И.* Воронов Петр Степанович // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / [под ред. Т. Г. Ивановой]. Т. 1. А–Г. СПб., 2016. С. 698–701.

²⁹ *Пигин А. В.* Заметки к статьям К. А. Докучаева-Баскова об истории Челмогорского монастыря // Православие в Карелии. Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 33–39.

духовного и материального порядков, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности. Места, в которых, по мнению Пьера Нора, воплощена национальная память, – это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова. «Функция мест памяти – сохранять память группы людей. Это могут быть люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые “окружены символической аурой”»³⁰. И далее: «Их главная роль – символическая. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Важной характеристикой их является то, что они могут нести разные значения и что это значение может меняться.

Источниками для изучения мест памяти являются тексты, картины и предметы, которые дают информацию об определенном событии, человеке или идее. Источниками могут стать, например, памятники исторической мысли, газетные статьи об открытии памятников, политические доклады, прочитанные на исторических юбилеях, живопись на исторические сюжеты, предметы повседневной жизни.

Можно изучать изменение исторического самосознания и коллективной идентичности на примере смены “мест памяти” нации. Выделяются три вида изменений в ансамбле национальных “lieux de memoire”. Во-первых, отдельные из них могут быть забыты или вытеснены из памяти. Во-вторых, бывает, что, забытые, они заново приобретают свое значение. В-третьих, можно изучать перемены коллективной памяти и в тех “lieux de memoire”, которые непрерывно имели и имеют свое место в коллективной памяти нации. Значение, которое общество ассоциирует с определенными местами памяти, не обязательно остается неизменным в течение истории»³¹.

На фоне этого процесса складывается другая научная парадигма, отвечающая устремлениям русского модернизма, точнее «национально-романтического направления русского модернизма»³². Косвенно это подтверждают исследования по истории русской фольклористики начала XX в., в которых подчеркивается идея множественности и разнообразия в фольклористике той эпохи и на организационном уровне. Существовал целый ряд учреждений: ОРЯС (Отделение русского языка и словесности Академии наук), РГО (Русское географическое общество) с его Песенной (1885 г.) и Сказочной (1896 г.) комиссиями, ОЛЕАиЭ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии) с Музыкально-этнографической комиссией (1901 г.) и Комиссией по народной словесности (1911 г.), МАО (Московское археологическое общество), Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Историческое общество Нестора-летописца в Киеве, Уральское

³⁰ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 4.

³¹ Там же. С. 26.

³² Сарабьянов А. В. Стиль модерн. М., 1989. С. 80.

общество любителей естествознания, Архангельское общество изучения Русского Севера, Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева и др. Между прочим, и название журнала «Живая старина» получило дополнительный смысловой и эмоциональный оттенок.

По мнению Т. Г. Ивановой, «децентрализация фольклорного дела, несомненно, имела свои преимущества. Многочисленные научные учреждения прекрасно сосуществовали в одном фольклористическом пространстве, не подменяя друг друга, не дублируя свои цели и задачи, но, напротив, дополняя одно другое, объединяя вокруг себя не только академических и университетских профессионалов, но и, самое главное, провинциальных любителей “живой старины”»³³.

Это поколение краеведов положило начало формированию местного самосознания, включающего понятие «места памяти» (по П. Нора), и как результат в 1914 г. появляется собственно термин «краеведение» в современном его значении.

В одной из публикаций, посвященной изучению областного краеведения, совершенно справедливо указывается, что «из историографического состояния проблемы вытекает необходимость специального исследования истории областного краеведения как локального социокультурного феномена»³⁴.

В связи с этим следует подчеркнуть феноменологическую направленность исследований народной культуры и быта и обратить внимание на внутренние политические причины, вызванные событиями 1917 г., которые оказали влияние на развитие краеведческого движения в 1920–1930-е гг.

Перемены в социокультурной ситуации, эпоха «культурной революции» и деятельность Пролеткульта существенно повлияли на возникновение новых направлений и стилей не только в искусстве, но и общественной и культурной жизни «новой» России. Косвенным, но достаточно убедительным аргументом в пользу проявления в культуре и искусстве авангардных течений является факт открытия в 1919 г. в Третьяковской галерее выставки «Авангард. Список № 1»³⁵; в комиссию первой выставки вошли: Александр Родченко, Роберт Фальк, Натан Альтман, Павел Кузнецов и Василий Кандинский. Именно Кандинский сформулировал концепцию новых советских музеев³⁶.

Выявление и интерпретация признаков «памяти места» становится основной парадигмой ее развития. На поиске уникальности традиции и особенностей

³³ *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 7.

³⁴ *Седельникова Н. А.* Областное краеведение как социокультурный феномен // Мир науки, образования. 2009. № 3. С. 111–113.

³⁵ В настоящее время в Третьяковской галерее воссоздана легендарная экспозиция Музея живописной культуры 1919–1929 гг.

³⁶ После революции Кандинский стал почетным профессором Московского университета. Он занимался музейной реформой и охраной памятников искусства, помогал открывать региональные музеи и преподавал во Вхутемасе. Василий Кандинский старался адаптировать учебные планы под свою теорию живописи. См.: <https://www.culture.ru/persons/9326/vasilii-kandinskii> (дата обращения: 06.10.2022).

ее культурных памятников сосредоточено внимание и местных исследователей старины. Об этом свидетельствует установка в политических тенденциях Пролеткульта, получившего относительную «свободу» в своей деятельности от партийных идеологов. Особое внимание в деятельности Пролеткульта уделялось культурному и историческому наследию. С этим связано открытие региональных музеев и организация обществ изучения местного края. «Пролеткульту благоприятствовало то обстоятельство, что А. Луначарский, симпатизировавший ему, стал наркомом просвещения. От Наркомпроса Пролеткульт получал значительную финансовую помощь: на просветительную заботу по ликвидации неграмотности, на собирание фольклора, организацию рабочих клубов, литературных студий и так называемых рабочих университетов, на обучение пролетарских писателей и т. д.»³⁷.

Относительно самих фигур краеведов можно сказать, что их социальный и культурный статус был недостаточно определен. В первую очередь, речь может идти о работниках народного образования. Среди них выделяются В. Н. Шляпин (В. Устюг), И. И. Томский (Сольвычегодск), Н. Н. Аруев (Сольвычегодск), М. И. Романов (Устья, Вельск), И. И. Рудометов (Каргополь), В. И. Пономарев (Лальск), участвовавшие в Первой всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 г. Дальнейшая участь всех научных обществ по изучению местного края – и старых, дореволюционных, и совсем новых, советских, – была одинаковой. Это – их ликвидация на рубеже 1920–1930-х гг.³⁸

Прежде всего влияние эпохи проявилось в авангардистских течениях в русском искусстве и особенно в так называемом «советском авангарде», вплоть до официального признания его постулатов в научном осмыслении народной культуры. Отсюда и главный вопрос – что должна изучать фольклористика, или где проходят границы предметного поля фольклористических исследований? Странно, но при эволюционистско-позитивистских подходах академической науки 1920-х гг. этот вопрос так остро не стоял.

Наиболее значительной фигурой севернорусского краеведения являлся Вениамин Петрович Шляпин (1861–1943). Он родился в Грязовецком уезде Вологодской губернии в семье сельского священника; окончил духовное училище, а затем семинарию в Вологде. В 1879–1883 гг. служил в Вологодском губернском статистическом комитете и работал в редакции неофициальной части Вологодских губернских ведомостей, тогда же появляются его первые публикации. В 1883 г. он поступил в Московскую духовную академию; слушал курс по истории у В. О. Ключевского. С 1888 г. Шляпин работал учителем в школах Усть-Сысольска и Великого Устюга, продолжал исследовательскую работу

³⁷ См.: <http://home.novoch.ru/~azazel/texts/sbornikps/prolet2.html> (дата обращения: 06.10.2022).

³⁸ Акинъшин А. Н. 1) Трагедия краеведов (По следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. С. 208–283; 2) Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173–178.

по истории края. В Вологодских губернских и Вологодских епархиальных ведомостях печатаются его описания архитектурных памятников Вологды, Великого Устюга и уезда; публикуются: «Житие преподобного Прокопия», «Историческое описание Устюжского Прокопьевского собора» (СПб., 1903) и «Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря» (В. Устюг, 1912–1913, Ч. 1–2). С 1920 г., в связи с открытием в Великом Устюге Северодвинского губернского архива, работал в нем заведующим. В 1923 г. произошло открытие Северодвинского общества изучения местного края; с 1924 по 1929 г. Шляпин являлся его председателем. При поддержке Северодвинского губисполкома в 1925 г. он организовал издание «Записок Северодвинского общества изучения местного края» (всего вышло пять выпусков в 1925–1928 гг.). В издании опубликованы статьи «Из истории заселения нашего края» и шесть очерков «Из истории города Великого Устюга». В декабре 1927 г. Шляпин участвовал в работе III Всероссийской конференции краеведов в Москве, на которой был утвержден членом Центрального бюро краеведения от Северодвинской губернии.

8 ноября 1918 г. по случаю организованной Н. Г. Бекряшевым выставки картин художника А. А. Борисова в Великом Устюге был открыт Музей северодвинской культуры. Устюжане смогли увидеть около двухсот картин, мало кто знал, что эти картины были тогда спасены от национализации властями.

Представители устюжской интеллигенции: Н. Г. Бекряшев, Е. А. Бурцев, В. П. Шляпин, В. В. Комаров, Э. Ф. Глезер, К. В. Шляпина, К. А. Цивилев, Г. И. Матвеев объединились вокруг музея, возложив на себя всю заботу о культурном будущем города. Первым заведующим музея стал Е. А. Бурцев, после его смерти в 1924 г. музей возглавил Н. Г. Бекряшев и был его директором более двадцати лет. В музей вошли следующие отделы: художественный, рукописно-библиотечный, церковно-археологический, этнографический, естественно-исторический.

Другим ярким примером местного деятеля культуры и проводником идей Пролеткульта был первый директор Сольвычегодского музея Илья Иванович Томский (Тыкин) (1893–?), который имел обширные связи с научными учреждениями: он вел переписку с Археографической комиссией, Комитетом по изучению Севера России при Русском географическом обществе, Центральным бюро краеведения при Российской академии наук, Ученым советом Центрального географического музея, что позволяет говорить о нем как о человеке, обладающем поистине «государственным умом и размахом». По его инициативе в Сольвычегодске создается Общество изучения местного края, отдел Сольвычегодского музея в с. Черевково, организуется преподавание краеведения на педагогических курсах и в старших классах шк. 29 июня 1919 г. он выступает с обращением к школьным работникам уезда о помощи музею в деле сохранения и собирания памятников старины. В обращении содержится просьба к каждому школьному работнику предоставить в музей хоть один экспонат, записать песню, предание – вообще поддерживать живую связь с музейными работниками. В настоящее время в архиве музея хранятся переданные местными корреспон-

дентами записи заговоров, частушек, лирических песен и др. Следует отметить, что открытие Сольвычегодского музея должно восприниматься в русле общероссийских тенденций того времени, так как советская власть не стала опираться на существующие научные общества, предпочитая им создание новых, привлекая поначалу старых специалистов. Так, например, в августе 1919 г. был создан Казанский губернский подотдел по делам музеев и охраны памятников. В том же году был открыт музей в Каргополе³⁹.

Активным участником местного краеведческого движения был Николай Николаевич Аруев (1875–1944); уроженец д. Гусиха Метлинской волости Сольвычегодского уезда. Образование получил в Сольвычегодском городском двухклассном училище. По окончании учебы служил писарем Метлинского волостного правления, затем секретарем Сольвычегодской уездной земской управы.

Первые работы краеведа, посвященные истории Никольского уезда, были изданы в 1917–1918 гг. в типографии г. Никольска: «Война 1914–1917 гг.» и «Никольская уездная земская управа»⁴⁰. Во время пребывания в Никольске Николай Николаевич работал в местном музее, являлся одним из учредителей Никольского кружка по изучению местного края.

В 1924 г. Н. Н. Аруев возвратился в Сольвычегодск. В 1925 г. он был избран в совет Сольвычегодского общества изучения местного края. В архиве Сольвычегодского историко-художественного музея сохранилась работа Н. Н. Аруева «Крестьянский бюджет в Сольвычегодском уезде за 1922–1923 год». Очерки «Минувшее» (1924 г.) посвящены истории Метлинского волостного правления. В последние годы жизни Н. Н. Аруев пробует себя в литературном творчестве, пишет небольшие рассказы на основе реальных событий прошлого: «Убийца» (1939 г.), «Два кума» (1939 г.), «Пицкий клад» (1940 г.).

Статья Н. Н. Аруева «Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска», которая была опубликована в 1928 г. в научном вестнике Северо-Двинского общества изучения местного края⁴¹, характеризует его фольклористические интересы⁴².

На основании биографической справки, составленной преподавателем Каргопольского педучилища Н. Проничевой⁴³, сохранились некоторые сведения о деятельности и биографии каргопольского краеведа Ивана Ильича Рудомётова.

³⁹ Власов А. Н., Мехреньгина З. Н. Илья Иванович Томский. У истоков основания Сольвычегодского музея // Памятники сольвычегодской старины в истории российской культуры (К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–15 мая 2019 года. Сыктывкар, 2021. С. 33–41.

⁴⁰ Аруев Н. Н. Война 1914–1917 гг. Никольская уездная земская управа. Никольск, 1917.

⁴¹ Аруев Н. Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского Общества изучения местного края. 1928. Вып. 5. С. 1–11.

⁴² Мехреньгина З. Н., Шевченко Е. А. Сольвычегодский краевед Н. Н. Аруев // Памятники сольвычегодской старины в культуре Русского Севера начала XX столетия (К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея) / Отв. ред. и сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2022. С. 140–141.

⁴³ Н. Н. Проничева, преподаватель и заведующая музеем Каргопольского педучилища, в 2004 г. любезно предоставила нам составленную ею биографическую справку о И. И. Рудометове (машинопись).

Он родился 2 ноября 1891 г. в деревне Софоновской Ловзангской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1910 г. И. И. Рудометов окончил Петрозаводскую учительскую семинарию. Вернувшись на родину, он работал преподавателем русского языка и литературы в Каргопольском реальном училище. Иван Ильич на протяжении всей своей жизни занимал активную общественную позицию.

Что касается собственно его краеведческой деятельности, то следует отметить следующее: с 1913 г. Рудометов состоял членом-сотрудником Общества изучения Олонецкой губернии, был знаком с каргопольским краеведом К. А. Докучаевым-Басковым. Он записывал от местных крестьян, как утверждает Н. Н. Проничева, фольклорный и этнографический материал, который лег в основу его публикаций и очерков о родном крае. В «Вестнике Олонецкого губернского земства» были опубликованы этнографические очерки И. И. Рудометова: «Сбор каргопольских рыжиков», «В Каргополе»⁴⁴.

В период с 1911 по 1915 г. он задумывает книгу о жизни глухого края накануне революции. Книга «Каргопольский край», дополненная новыми бытовыми очерками о жизни края уже при советской власти, была издана в 1919 г. в типографии Каргопольского уездного отдела народного образования. В содержание ее входят очерки: «В Каргополе», «У жаждущих», «Между старым и новым», «Старинное село» (О Печникове), «Лесные люди» (путешествие в 14-е столетие), «Тайна болот» (легенды из каргопольской старины), «Обновление жизни» (об учителе и учениках Лекшмозерской школы). В кратком послесловии книги И. И. Рудометов пишет, что назрела потребность в изучении родиноведения, а никаких серьезных пособий нет. Автор считает, что, если в других губерниях и уездах будут написаны подобного рода очерки, то это даст обширный материал, представляющий огромный интерес. Ответом на призыв Рудометова явилась книга его ученика Петра Ивановича Пятунина «Каргопольщина в прошлом и настоящем»⁴⁵.

Изучением родного края И. И. Рудометов продолжал заниматься даже после переезда в Москву (1923). В Москве он преподавал в Сокольническом рабочем институте. Вечерами учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова. Вел русский язык и литературу в вечернем техникуме. Его методические статьи публиковались в журнале «Русский язык в школе», в сборниках Академии педагогических наук. Русским писателям-краеведам он посвятил большое библиографическое обозрение.

В конце 1920-х гг. Ивана Ильича увлекли торфяные разработки. Двадцать лет посвятил он торфяному делу, написал более 70 научных статей и книг, защитил кандидатскую диссертацию и получил степень кандидата экономических

⁴⁴ Рудометов И. И.: 1) Сбор каргопольских рыжиков // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 17. С. 22–23; 2) Каргопольский край. Каргополь, 1919.

⁴⁵ Каргопольщина в прошлом и настоящем: географические, исторические и этнографические очерки / П. И. Пятунин. Каргополь, 1924.

наук. Работал сотрудником одного из научно-исследовательских институтов Москвы.

И все-таки свое увлечение краеведением он сохранил на всю жизнь. Пожалуй, главным вопросом в его фольклорных записях является вопрос аутентичности, так как очевидно, что его записи былин и сказок претерпели осознанную переработку и редакторскую правку. Более того, в предисловии к подготовленным для публикации текстам былин он пишет об исторической неосведомленности поздних сказителей, которые в своем творчестве искажают старинные сказания, и упрекает собирателей, которые записывают такие псевдоисторические тексты: «Все они говорят, прежде всего, об усердии “собираателей” былин, которые, проявляя ревность/резвость не по разуму, иногда записывали буквально всякое слово, исходящее из уст “сказителей и сказительниц” и тем самым нередко засоряли ниву народного творчества. В настоящее время необходимо расчистить эту ниву. С этой целью следует, прежде всего, сделать пересмотр творчества псевдосказителей, подходя к нему с научной точки зрения и тем самым восстановить образы старины, очистить их от всех последующих наслоений. Настоящая книжка и является одной из попыток в этом деле»⁴⁶. Замечание эпатажное и отражающее вообще отношение краеведов к профессиональным научным исследованиям. И далее, опираясь на тексты былин из популярных изданий (Авенариуса, Оксенова и др.), создает псевдоисторическую реконструкцию русского эпоса.

Что касается подготовленных им сказок, то и они претерпели существенную переработку и редакторскую правку И. И. Рудометова. Рукопись (18 тетрадок) имеет общее название: «Северные русские сказки в 8 выпусках».

Однако названия выпусков не отражают мотивации входящих в каждый выпуск подборки сюжетов и носят, скорее всего, случайный характер или же были отобраны «по воле» самого составителя.

В своей заметке «О работе над сказками» в предисловии к подготовленному изданию он пишет: «Запись сказок производилась много в период учительской работы моей в школах Каргопольского района Архангельской области (1910–1923). Во время записи встречались как оригинальные северные сказки, так и варианты уже известных русских народных сказок.

Много записывались как те, так и другие, причем при записывании вариантов предпочтение отдавалось тем из них, которые вносили какое-нибудь добавление к основной сказке. Более слабые варианты отсеивались.

Все записанные тексты сказок в дальнейшем подвергались обработке. Обработка состояла главным образом в реставрировании содержания сказок; во время этого процесса безыдейное содержание отбрасывалось и заменялось <на более достоверное>. В результате такой работы многие сказки создавались вновь.

⁴⁶ В настоящее время хранится в Каргопольском государственном историко-архитектурном и художественном музее № 491. *Рудометов И. И.* Былины. М., 22 марта 1966. 12 л. (Машинопись).

Таковы, например, “Чудесная курица”, “Волшебное кольцо”, “Скорый гонец”, “Марья Моревна”, “Иван гостиный сын” и другие. Некоторые сказки были компилированы (“Дурак и его братья” и “Как мужик счастья искал”). Компильяции состояли в соединении разных частей сказок в один общий текст. Получалась таким образом новая сказка, созданная из частей старых.

Считая этот метод обработки для себя непосильным, я прибегал к нему весьма в редких случаях (две-три сказки из восьмидесяти). Сказки написаны общерусским литературным языком. Местные слова и выражения допускались в них лишь в редких случаях»⁴⁷. И. И. Рудометов использует традиционные фольклорные образы и сюжеты, некоторые части его текста могут быть выдержаны вне сказочного стиля.

История и причины появления сборника сказок изложены в предисловии составителя: «Богатства северной культуры (живопись, зодчество и пр.) давно уже привлекают к себе внимание исследователей. Такого же внимания заслуживают и северные сказки. Потребность в их собирании и изучении давно назрела. Настоящий сборник и является частичным откликом на эту потребность.

Автор сборника тринадцать лет работал на Севере неплатным работником. Собираание и запись народных сказок в Каргопольском районе Архангельской области он проводил в течение всего этого времени. Записанные и обработанные им сказки, предназначенные для детского чтения, собраны по времени их записи в 8 выпусках. Если для 8 выпусков будут затруднения, то в таком случае можно отобрать сказки (по выбору). Из всех 8 выпусков и создать сборник “Избранных северных сказок” (25–30 сказок). Я когда-то был школьником в Каргановском районе и пусть мой сборник будет направлен школьникам Архангельской области от меня – им он пусть и посвящается. И. Рудометов. 22 марта 1966 г. Москва»⁴⁸.

Составление сборника сказок И. И. Рудометовым датировано 1966 г., однако, по его же утверждению, источниками послужили материалы, которые он записал еще в Каргополе до своего отъезда в Москву (1923). Такой длительный период отстранения от краеведческой деятельности можно объяснить обстоятельствами субъективного характера – его учебой, занятиями и увлечениями московской жизни, судя по его биографической справке. Возможно, обстоятельствами объективного характера – напомним о разгроме краеведческого движения в 1930-е гг., войне. И лишь в 1960-е гг. И. И. Рудометов возвращается к забытым краеведческим трудам и увлечению своей молодости. Это обращение к «запретному» занятию, как, впрочем, у многих представителей творческой интеллигенции, совпадает с периодом хрущевской оттепели.

Творчество И. И. Рудометова – яркий пример деятельности краеведов по реконструкции фольклорно-этнографического материала локальной традиции. Личностное начало в публикуемых ими записях преобладает над стремлением

⁴⁷ В настоящее время хранится в музее Каргопольского педагогического колледжа (без фондовых номеров). *Рудометов И. И. Северные русские сказки*. Вып. 1. Л. 5–5 об. (копия).

⁴⁸ *Рудометов И. И. Северные русские сказки*. Вып. 1. Л. 4–4 об. (копия)

сохранить аутентичность традиции. Они переписывают историю культуры края уже соответственно другим дискурсивным практикам и «научным» парадигмам, которые преобладали в первой половине XX столетия и характеризовали эпоху советского авангарда.

Другой значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов (1886–1956) из Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Вельского района Архангельской области), о котором вышел небольшой биографический очерк в 2006 г.⁴⁹ Им были изданы «История одного северного захолустья» (1925)⁵⁰, в литературном альманахе «Север» за 1936 г. вышло описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек»⁵¹. Подготовлена и позднее издана «Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв.»⁵².

Еще в 1936–1937 гг. М. И. Романов подготовил к публикации сразу три крупных работы: «Фольклор Устья», «Говоры Устьянских волостей» и «История Устьянских волостей», но арест помешал осуществить его планы.

Жизнь краеведа М. И. Романова имеет особую ценность для историка, в ней с редкой полнотой отразился разлом в истории России первой половины прошлого века.

Весной 1922 г. он выступил инициатором создания Общества изучения Устьянского края с целью исследования местных архивов и сохранения исторических памятников. Он предполагал проводить дальнейшие исследования главным образом на территории Важского региона, с которым Устьянские волости составляли «одно целое»⁵³.

Составленный краеведом «Словарь местного говора» становится важным инструментом в его фольклористических исследованиях и сложившимся жанром краеведческой литературы. «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости»⁵⁴ – это не просто сборник диалектной лексики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья,

⁴⁹ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов – выдающийся краевед Русского Севера. Штрихи к портрету. Вельск, 2006.

⁵⁰ Первоначально он обратился за поддержкой в Вельский отдел ВОИСК, но получил отказ в связи с отсутствием средств. В итоге книга была напечатана в Великом Устюге, став на долгие годы своеобразной визитной карточкой краеведа, несмотря на последовавшую критику. См.: *Веревкина Г. А. М. И. Романов и Вельский отдел ВОИСК // Заволочье. Устьянская земля. П. Октябрьский, 2012. Вып. 1. С. 52–55. Романов М. И.* История одного северного захолустья. В. Устюг, 1925.

⁵¹ *Романов М. И.* Из фольклорных записей // Север. 1936. № 1. С. 116–123.

⁵² Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв. М., 2004.

⁵³ *Веревкина Г. А. М. И. Романов и Вельский отдел ВОИСК // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 1. П. Октябрьский, 2012. С. 52–55.*

⁵⁴ РО ИРЛИ, р. V, к. 66. М. И. Романов. Оп. 5. Рукопись в 4-ку. Словарь Устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Рукопись поступила в 1986 г. (№ 52). 338 с. Включает также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей» (с. 339–347); 2. Очерки М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежда, 1950).

о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.

Обратимся к структуре словарной статьи. Например, об известном фольклорном образе в заговорах:

Алатырь камень – встречается в фольклоре, особенно в заговорных словах, например: На синём мори-окияне / на том острове на буяне... (с отсылкой на «Фольклор Устья», – А. В.). Это заговорное слово, несомненно, обращено к древнему божеству зари. Поэтому, вероятно, происхождение названия этого камня от корня ал, алый – алый, заревой. От него же существительное алость, алота и алотынь (см. дальше). Последние – превосходная степень алости, зарёвости. Это предположение находит опору в яфетических языках. Гурейское – алион – заря. Абхазское танча – тча – атча – женская ипостась солнца.

В качестве отдельной словарной статьи мог быть представлен фольклорный персонаж:

Бабушка Соломонидушка, Христова повиваленка – персонаж из заговорных слов, употребляемых, главным образом, при родах. Из заговоров видно, что ей подчинялась «звериная силушка». Древним прототипом ее была, всего вероятнее, богиня земли Земляница, Землянушка: Бабушка Соломонидушка, / Христова повивалёнка / Сидит на золоте стуле / Дёржыт камфарной блюдо / На том блюде – золоты ключи / Отпират она ими святые ступеньци...

Или следующая статья, включающая текстуальный контекст известного песенного рефрена из колыбельной песни: «**Бай, байки, баеньки, баю, баюшки** – в колыбельных песнях: Баю-бай, баю-бай, / Байки-баюшки-побай / Спи-ко Ваня усыпай, / Со анделами, / Со арханделами... (из колыбельной песни)».

Или статья, представляющая краткую характеристику одного из свадебных ритуалов: «**Баня невесты** – последнее перед свадьбой мытье невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами».

Или составитель включает слова, в статье о которых содержится попытка этимологического анализа: «**Барабать** – лапать, хватать голыми руками (шв. bar – голый, гarr – удар); **Баракша** (нижнеустьянское) – дикий, неотесанный. (Эка баракша дикая) (западнофинское раггакас бородатый)».

В качестве словарной статьи может быть объяснение значения отдельных слов фольклорной стилистики: «**Бедно** – обидно, горько. Бедно стало до слёз / Бедно мне да забедно, / Бедно показалось... (из причета)».

Или статья, включающая мифопоэтические трактовки словесного образа, например: «**Божья дуга** – радуга. Собственно говоря, радуга-дуга была Перуна, а так как наследником Перуна в христианстве был Илья-пророк, то радуга считается дугой – Ильи-пророка».

Романов приводит слова и речевые выражения только в одной грамматической форме. Часто наивные мифопоэтические толкования фольклорных лексем и устойчивых словоупотреблений, отдельных фольклорных образов содержат попытки исторического анализа и уводят составителя от собственно лингвистических задач словаря. Словарь Романова превращается в многожанровое сооружение, эклектичное и фрагментарное по структуре – источниковедческий «свод», лишенный серьезной методологической базы. Ярким примером является и современный, составленный спустя полвека местными энтузиастами-краеведами, «Устьянский народный словарь»⁵⁵.

Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но, несомненно, их объединяет одно – стремление показать свое отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов. И это массовое увлечение на местах – признак «саморефлексии» народной традиции.

Главная ценность «Фольклора Устья» – наиболее завершенного труда (из двадцати очерков отсутствуют лишь три) – заключается не только в попытке показать, как отразились в местном фольклоре история, верования, обычаи края, быт. В первую очередь это собрание песен, народных рассказов и сказок, заговоров, причитаний, которые он записывал в течение почти двух десятилетий. Уникальность полевых материалов заключается в том, что они характеризуют фольклорную традицию Устья в период, когда с первой поездки в 1902 г. Е. Э. Линевой и до 1978 г. здесь не велось серьезной систематической работы по сбору фольклорно-этнографического материала.

В своих исследованиях Романов использовал так называемый краеведческий метод анализа и систематизации огромного и разнородного материала, отличие которого он видел в том, что «ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача – дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...»⁵⁶ М. И. Романов оказался в условиях и обстоятельствах естественного применения на практике сложнейшего полевого метода «вживания» в традицию. Он с рождения находился в атмосфере народной жизни и проявлял к ней глубокий интерес.

Поэтому нет необходимости обозначать провозглашенный М. И. Романовым «краеведный» метод исследования местной культуры как особую научную методологию. Глубокое знание местной жизни, любознательность, широкий кругозор для сопоставлений культурных явлений, знание иностранных языков, личный жизненный опыт, начитанность, знакомство с авторитетными учеными являются составляющими этого «метода».

⁵⁵ Устьянский народный словарь / Под ред. А. А. Истомина, В. П. Мамонова, В. П. Сирина и др. п. Октябрьский, 2013.

⁵⁶ РО ИРЛИ, р. V, к. 66. М. И. Романов, п. 4. Фольклор Устья. Л. 5.

В своем труде краевед предпринимает попытку выявить взаимосвязь между, казалось бы, несопоставимыми явлениями народной культуры: фольклорными образцами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного говора, благодаря которым он решает задачи исторической реконструкции народной культуры Устьянского края.

Следует признать, что с методологической точки зрения исследование М. И. Романова не выдерживает серьезной критики. В тексте исследования встречаются действительно парадоксальные и курьезные размышления.

Записи устьянского фольклора, отразившиеся в его книге, фиксировались примерно в период с 1924 по 1934 г. в населенных пунктах Дмитриевского сельского совета от исполнителей разных возрастов. Паспортизация записей Романова является неполной – нет точной даты записи, возраст исполнителя указывается неточно. Характерны такие отсылки и замечания собирателя относительно своих информантов: «Со слов старухи Офимьи Рогачевой из дер. Кырканды; Парасковья Буторина, старуха-знахарка дер. Алферовской, неграмотная; Вас[илий] Ан[?] Паршин, дер. Березник».

Таким образом, труды краеведов 1920–1930-х гг. содержат обширный материал по культуре и истории севернорусского региона в определенный период и представляют большой интерес для современных исследователей. Возникновение обществ изучения родного края чрезвычайно способствовало развитию краеведческого движения и соответственно научному самосознанию на местах; предпринимались даже попытки создать свою «особую» методологическую базу.

Словом, все то, что входило в понятия «памяти места» (*memoria loci*), «памяти традиции», в результате процесса сингулярности изменяло свое настоящее содержание, соответствующее известному понятию «место памяти» («*lieux de memoire*»).

Таким образом, все известные нам формы «саморефлективного диалога личности и культуры» способствуют потере аутентичности текстов традиционной культуры и направлены на перекодировку языка фольклора. Поэтому поставленные проблемы изучения письменных манифестаций фольклора внутри определенной культурной традиции не только открывают для исследователей новые возможности ее взаимодействия с другими культурными системами, но и позволяют понять некоторые механизмы ее внутренней перестройки под воздействием различных внешних факторов.

Литература

Акинъшин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173–178.

Акинъшин А. Н. Трагедия краеведов (По следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. С. 208–283.

Аруев Н. Н. Война 1914–1917 гг. Никольская уездная земская управа. Никольск, 1917.

Аруев Н. Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского Общества изучения местного края. 1928. Вып. 5. С. 1–11.

Васкул А. И., Биланчук Р. П. Иваницкий Николай Александрович // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т./ [под ред. Т. Г. Ивановой]. Т. 2: Д–Кошурников. СПб., 2017. С. 338–344.

Васкул А. И. Воронов Петр Степанович // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. / [под ред. Т. Г. Ивановой]. Т. 1. А–Г. СПб., 2016. С. 698–701.

Васкул А. И. Литература по русскому фольклору. 1856–1880 гг. // Русский фольклор. Библиографический указатель 1856–1880 / Сост. А. И. Васкул. СПб., 2017. С. 8–21.

Васкул А. И. Попов Владимир Алексеевич // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. Т. 4. П – Софронов А. В. СПб., 2019. С. 242–244.

Веревкина Г. А. М. И. Романов и Вельский отдел ВОЙСК // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 1. п. Октябрьский, 2012. С. 52–55.

Веревкина Г. А., Мильчик М. И. Михаил Иванович Романов – выдающийся краевед Русского Севера. Штрихи к портрету. Вельск, 2006.

Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010.

Власов А. Н. Летописец о граде Сольвычегодске // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (к 500-летию г. Сольвычегодска). Сыктывкар, 1992. С. 19–32.

Власов А. Н., Мехреньгина З. Н. Илья Иванович Томский. У истоков основания Сольвычегодского музея // Памятники сольвычегодской старины в истории российской культуры (К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–15 мая 2019 года. Сыктывкар, 2021. С. 33–41.

Власов А. Н., Савельев Ю. В. «Сольвычегодская старина» В. Попова в истории изучения культуры города // Сольвычегодская старина. Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар, 1994. С. 58–199.

Жадовская (Чернышева) С. А. Вельский летописец П. С. Воронов: национальная идея и местная идентичность // Русская филология – 19: Сб. научн. работ молодых филологов. Тарту, 2008. С. 56–60.

Иваницкий Н. А. Список растений Вологодской губернии как дикорастущих, так и возделываемых на полях и разводимых в садах и огородах // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском ун-те. Т. 12. Вып. 5. Казань, 1883. С. 1–112.

Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II / Под ред. Н. Харузина. М., 1890. С. 1–234.

Иваницкий Н. А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3–75.

Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993.

Каргопольщина в прошлом и настоящем: географические, исторические и этнографические очерки / П. Пятунин. Каргополь, 1924.

Кознева Л. М. Вологодские учителя – собиратели народного слова (XIX в.) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию – 2013. СПб., 2014. С. 106–117.

Мехреньгина З. Н., Шевченко Е. А. Сольвычегодский краевед Н. Н. Аруев // Памятники сольвычегодской старины в культуре Русского Севера начала XX столетия (К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея) / Отв. ред. и сост. А. Н. Власов. СПб., 2022. С. 140–141.

Ордин Н. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 51–121.

Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Под ред. Новикова. Вологда, 1960.

Пугин А. В. Заметки к статьям К. А. Докучаева-Баскова об истории Челмогорского монастыря // Православие в Карелии. Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 33–39.

Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII–XX вв. М., 2004.

Романов М. И. Из фольклорных записей // Север. 1936. № 1. С. 116–123.

Романов М. И. История одного северного захолустья. В. Устюг, 1925.

Рудометов И. И. Каргопольский край. Каргополь, 1919.

Рудометов И. И. Сбор каргопольских рыжиков // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 17. С. 22–23.

Сарабьянов А. В. Стиль модерн. М., 1989.

Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1. С 1570 по 1800 год. Составил лальский городской староста Иван Пономарев. В. Устюг, 1897.

Седельникова Н. А. Областное краеведение как социокультурный феномен // Мир науки, образования. 2009. № 3. С. 111–113.

Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

Соскин А. И. История города Соли Вычегодской / Подг. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1997.

Устьянский народный словарь / Под ред. А. А. Истомина, В. П. Мамонова, В. П. Силина и др. п. Октябрьский, 2013.

Brockmeier J. Remembering and forgetting: Narrative as cultural memory // Culture and Psychology. 2002. March. Vol. 8. P. 15–43.

Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig; Berlin, 1824.

Schechner R. Performance Studies. London; New York, 2013.